

оксана

бухова

венский детектив

САДОВНИК ДЛЯ ДЬЯВОЛА

Надежда Прохорова
оглянулась: в дачах,
налегая плечом на косяк,
стояла Смерть.

18+

Детективное агентство «Нафталин»

Оксана Обухова

Садовник для дьявола

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Обухова О.

Садовник для дьявола / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат»,
2010 — (Детективное агентство «Нафталин»)

Денис - талантливый ландшафтный дизайнер - стал садовником в семье известного архитектора. Его идеи так понравились главе семейства, что тот предложил Денису работать в его бюро. Но случилась трагедия. Брата хозяина нашли зарезанным садовым ножом рядом с домиком садовника, и молодого человека арестовали. Мать убитого не поверила, что тот мог зарезать ее сына. И тут за дело взялась большая мастерица решать детективные загадки Надежда Прохоровна, которая сразу поняла, с какой извращенной и дьявольской силой действует таинственный преступник. Сериал о бабе Наде продолжит детектив "Немного страха в холодной воде". Обложку оформил И. А. Озеров.

Содержание

Часть первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

На бесподобно васильковом майском небе торчало одинокое куцее облако. Напротив крыльца душераздирающе стильного придорожного ресторана по газону ползал молодой трудолюбивый садовник в джинсовом комбинезоне – укладывал вокруг альпийской горки бордюрную ленту.

За переживаниями мышц под загорелой ровной кожей гиганта садовника следили две не первой свежести ухоженные тетки, устроившиеся в тени за столиком террасы, и одна печальная вислоухая собака. Собака скорее присматривала за котом, пробирающимся к мусорным бачкам ресторана, но это не важно...

Денис Ананьев аккуратно смел с терракотовой ленты навалившийся земельный ком, отер потный лоб тыльной стороной перчатки... С пологого крыльца террасы надменным подиумным шагом спускалась администратор ресторана Марина. Подошла ближе, окатила взопревшего работника хорошо дозированным пренебрежением во взгляде и выдала:

– Ананьев, ты в рубашке работать не пробовал? Рустам сказал – скоро билеты на террасу продавать будет. Твоя «обнаженка» привлекает клиентуру...

Ананьев поправил сползающую лямку комбинезона, задумчиво надул щеки... Он ненавидел работать в майках, оставляющих на теле следы «колхозного загара». Марина от всей души не выносила мужиков, оставляющих без внимания ее прелести, умности и достижения, – отношения не заладились с первого рабочего дня. Садовнику *по статусу* полагалось сразиться наповал, он же оставался равнодушным к прелестям и умностям, и невнимание сие Марина переносила как личное оскорбление.

– Тебе по факсу какой-то счет прислали, – сказала она хозяйским тоном. Развернула циркульные ноги в обратном направлении и поднялась по крыльцу с грацией сытой пантеры. Узкая юбка очертила все, что только было возможно. Ананьев вздохнул, бросил косой взгляд на скупающих в теньке теток и вернулся к бордюру.

Весь последний месяц ему отчаянно не везло с этими самыми юбками и тетками. Еще недавно Денис Ананьев был совладельцем набиравшей обороты фирмы по обустройству садово-парковых территорий. Его партнер Артур только бумажки подписывал, в тонкости производства не вникал, поскольку с самого начала было оговорено: Ананьев – мозг, Артурчик – кошелек. У Дениса – дизайнерский талант, у Сулейманова – капитал. За три года совместного руководства все наладилось, устаканилось, пошло по рельсам, да так бы и ехало, если бы в Ананьева со всего размаха не врезался «локомотив» «Алиса Сулейманова»: фирменный поезд удовольствия, жена дорогого компаньона и попросту мартовская кошка.

Алиса снесла все ограждения и на предельной скорости попыталась подмять под себя «лапусечку Денисика». Причем подмять совсем не фигурально. Обрушилась с поцелуями, завалила на письменный стол поверх разложенных бумаг...

И в этот момент, совсем как в пошлом анекдоте, в кабинет заходит муж.

Сулейманов чудом не убил жену и друга подарочным ятаганом, рычал, ревел и бегал. Кошка с рыданиями уворачивалась от ятагана и плевков, валила все на «подлого совратителя Ананьева».

Денис не стал дожидаться финала анекдота. Вышел из кабинета и тихонько закрыл дверь в прошлое. Горячая кавказская кровь Артурчика не позволяла надеяться на примирение, обливать помоями чужую женщину Ананьев не хотел. Под вопли и угрозы разбилась... скорее, была разрублена тупым ятаганом, хорошая мужская дружба...

Ананьев позвонил владельцу ресторана, выстроенного рядом с дорожным торговым центром на дорожном загородном шоссе, и согласился на подряд, который, к счастью, не успел оформить на адрес фирмы. На шее у Ананьева висела драконовски жадная до денег ипотека...

Первые три недели по вспаханному газону вокруг ресторана вместе с Денисом ползали два расторопных узбека Тахир и Алишер – объединенными усилиями, к счастью, успели выполнить всю основную тяжелую работу! – потом на эти клумбы наехала эмигрантская поли-

ция, и двух узбеков увезли в переполненном таджиками автобусе. Узбеки махали из автобуса грязными ладошками и обещали вернуться... За десять минут до этого Ананьев успел всунуть в эти замурзанные ладошки всю наличность, имевшуюся в кошельке.

Но раскатывать рулонный газон Денису помогал уже двоюродный брат-студент. Кусок для драконовской ипотеки после визита «иммигрантов» остался существенно обглоданным.

...Ананьев стыковал бордюрную ленту, огладил ее в последний раз, нажал для верности и заметил, что от автомобильной парковки в его сторону шагает высокая блондинка в струящемся, словно лазоревый поток, шелковом платье.

Женщина остановилась напротив клумбы, оглядела ее одобрительно и проговорила хрипловатым контрольно:

– Добрый день. Я вижу, вы тут все закончили?

Ананьев неопределенно повел загорелым накачанным плечом, промямлил:

– Вроде бы закончил, здрасте.

– Меня зовут Катарина. Я жена архитектора Кузнецова Павла Алексеевича.

Многозначительность, с которой женщина произнесла фамилию мужа, заставила Ананьева напрячь память: «Кузнецов, Кузнецов... Ах, этот?!» Примерно полгода назад на одном из корпоративов лысый мужик громогласно хвастался приятелю: «Мой дом создан по проекту Кузнецова». Приятель завистливо цокал языком и сокрушался, что у него со знаменитым зодчим что-то не сложилось...

– Недавно мы уволили садовника, подыскиваем нового работника... У вас уже есть предложения?

Вежливость формулировки вмиг вымела из головы Дениса недавнюю настороженность в отношении юбок. Женщина была красива, доброжелательна и мало походила на «локомотив». Ананьев – вообще-то молчаливый товарищ – вновь повел плечом.

Катарина достала из сумочки визитку, протянула ее адепту ордена молчалиников:

– Вот, возьмите. Я буду ждать вашего звонка в течение суток. – Повернулась спиной, столкнулась с отправившейся куда-то по делам печальной собакой и, тихо ойкнув, заспешила прочь.

– Спасибо! – выкрикнул ей вслед Ананьев. – Я позвоню!

Женщина не оборачиваясь кивнула и скрылась за углом ресторана.

«Неужто поперло?! – почесывая коротко стриженный затылок, размышлял гигант садовник. – Неужто повезло – наткнуться на Кузнецова...»

Сад Кузнецова Дениса поразил. До поздней ночи Ананьев просидел за компьютером, вытаскивая из Интернета информацию о потенциальном нанимателе, просматривал работы архитектора и навоображал себе черт-те чего. Сад Кузнецова представлялся ему изысканной шарадой, эдакой лентой Мёбиуса из зелени и камня, многослойным совершенством... Денис почти влюбился в этот придуманный сад!

Действительность преподнесла сюрприз. На взгляд Дениса, сад превратили в незамысловатый ребус с заранее известными разгадками, в лощеное убожество. Ананьев как будто воочию увидел капризную ручонку, перелистывающую альбом ландшафтных новинок, видел пальчик с маникюром, утыкающийся в фотку, – хочу вот так, хочу вот это, хочу не хуже чем у всех...

Сад и получился – не хуже чем у всех. Безукоризненно ухоженный, прилизанный, он отдавал гламуром и глянцем, словно стадо однотипных красоток на подиуме «мисс Вселенная». В подобной красоте все ясно и понятно, длина ног относительно туловища просчитана до сантиметра.

И если бы не дом, безусловно принадлежащий гению Кузнецова, Денис подумал бы, что не туда попал. Дом завораживал. Он был стремителен и легок, как будто, пробегая по гектару

вылизанных лужаек, ненадолго остановился отдохнуть и поставил рядом с собой корзиночку обсаженного хвойниками патио. (Патио, как мгновенно понял Ананьев, было включено в первоначальный проект дома, а не сада, и выполнено по эскизу Кузнецова. Денис мысленно перенес плиточный пятачок с плетеными креслицами из мая в заснеженную зиму и представил, как дивно будет смотреться на фоне пышных хвойников новогодняя елка. Она «поднимет» пространство и подарит праздник...)

...Горничная Лариса, встретившая Дениса у ворот, уже удалялась к дому по извилистой дорожке плит, Ананьев решительно развернулся лицом к саду и попытался оглядеть территорию более непредвзято: «дом с корзиночкой» немного примирил его с действительностью. Сад разрушил иллюзии – как будто в душу плюнул! – дом, а точнее, дома, Денис постарался вытащить на первый план.

Всего на неравно разделенном участке стояло три больших строения. Благодаря Интернету Ананьев узнал, что у Павла Алексеевича Кузнецова есть младший брат Геннадий. Тоже архитектор, тоже маститый, известный, но, на взгляд Дениса, лишенный гениальной легкости брата, так как Геннадий творил монстров. Тяжеловесных, раскоряченных и очень востребованных в среде русских нуворишей. Дома Геннадия господствовали над владениями, как пушечные редуты. Недружелюбно подминали под себя пространство, торчали из-за крепких заборов оскаленными башенками с крыш и свысока облаивали соседей.

И если учитывать, что в данном случае соседом краснокирпичного чудовища выступал дом старшего Кузнецова, то создавалось впечатление – Денис едва скрыл усмешку, – что дом-непоседа дразнит претенциозного вельможу, насмешничает и носится по лужайкам, высовывая прозрачный длинный язычок крытого бассейна.

Забавное соседство. Оглядывая владения Геннадия Кузнецова, Денис заметил в углу возле кустов шиповника несколько аккуратных грядочек с зеленью и сделал в памяти зарубку посоветовать хозяйке этого огорода перенести скамейку поближе к петрушке и тем отгородить столовые посадки от идеально выполненной клумбы.

...Коротконогая моложавая Лариса уже нетерпеливо переминалась на дорожке, Ананьев добавил прыти и мысленно приготовился к увиденному от ворот: за поворотом плиточной дорожки Дениса поджидал кошмар из снов ландшафтного дизайнера: первозданное растительное буйство, ни разу не тронутое секатором. В невообразимых яблоневых дебрях, сливовых кущах, крыжовниковых зарослях и попросту лопухах прятался третий дом огромного участка.

Сам по себе вполне гармоничный, даже безукоризненный, он был вызывающе запущен и дряхл. По потрескавшейся, когда-то нежно-зеленой штукатурке ползли лианы и плети выюнков, дикого винограда и бешеного огурца. Казалось, будто дом зарос кустистой неопрятной бородой и щерился на новичков-соседей выщербленными ступенями высокого каменного крыльца с редкими белесыми пломбами-заплатами. Над пышными буртами кустов, как нахмуренные брови, нависал угрожающе ветхий балкон.

Лариса собралась повернуть налево к дому старшего Кузнецова, Денис, заинтригованный невообразимым соседством старика, подошел к нему ближе. Погладил крепкие каменные перила крыльца, задрал голову и понял: когда-то этот дом был прекрасен. И запустение, и дикий виноград не в силах скрыть идеальные пропорции. Дом походил на пожилого дебошира-ворчуна, что встал в вызывающую позу и мстительно не позволял вмешательства в свои дела парикмахеров, стоматологов и психиатра.

Иногда Ананьеву казалось, что подобные несуразные соседства говорят о людских отношениях побольше всяких слов.

– Тут Вера Анатольевна, – нетерпеливо пояснила Лариса, – мамаша.

– А в доме у ворот? – не поворачивая головы, продолжая любоваться, «разгадывать» старика, спросил Денис.

– Там ее младший сын с семьей живет, – абсолютно ожидаемо ответила горничная. – Пойдемте, вас Катарина ждет...

Катарина ждала Ананьева в шезлонге у бассейна. Капельки воды еще не высохли на ее шелковой, без малейшего изъяна коже оттенка аппетитного топленого молока, когда женщина начала подниматься с лежака: узкая талия изогнулась коварной анакондой, навстречу садовнику колыхнулись восхитительно спелые груди.

– Добрый день, – пропело глуховатое контральто, – простите, что встречаю вас в таком виде – у меня режим. Утренний заплыв.

Катарина сняла очки, улыбнулась, и Ананьеву почудился вдалеке призывный гудок сирены «локомотива».

От женщин, подобных Катарине, у нормальных мужиков обычно сводит скулы, становятся тесными штаны и непроизвольно шевелятся ладони.

Ананьеву захотелось сбежать – бегом, бегом, пока не оглушил свисток «локомотива»! – захотелось хотя бы закрыть глаза или перевести их на коротконогую неаппетитную Ларису, захотелось рухнуть в бассейн и не показываться на поверхности минут пятнадцать, пока не проскочит мимо «поезд удовольствий», не покажется пыльный зад последнего вагона...

– Как вы находите *мой* сад?

Ананьев невразумительно повел плечом.

– Хочу вам объяснить. – Катарина подошла ближе, дотронулась тонкими прохладными пальчиками до предплечья садовника, как будто разворачивая его в другую сторону. – То, что перед вами — *моя* территория. То, что левее, – владения свекрови и грядки Елены, жены младшего брата моего мужа. Ваш фронт работ — *мой, совершенно не запущенный сад*. Вам понятно?

От того как хозяйка пропела «мой, совершенно не запущенный сад», у любого нормального мужика пересохло бы горло и отнялся язык.

Ананьев был двадцатисемилетним мужчиной на сто один процент: его язык едва не отвалился.

– Почему вы все время молчите? – Голубые глаза женщины ошпарили нереальным льдом. Денис откашлялся, ушел немного в сторону от прохладных гладких пальцев.

– Вы выбирали готовые проекты по журналам?

– Да. Мой прежний садовник понимал меня с полуслова. *Он был очень послушен*.

Черт, черт, черт!! Бежать, бежать, бежать!!

И сбежал бы. Если бы вчера не начал бредить Кузнецовым. Его домами, его проектами, его личностью. Ананьев почти заболел идеей познакомиться со знаменитым архитектором. Готов был душу заложить и лечь на рельсы за знакомство с мужем этой... полуобнаженной Цирцеи! Продаться по частям и оптом.

Во многих статьях Павлу Алексеевичу пели осанну его многочисленные ученики. Лет десять назад старший Кузнецов открыл студию, куда приглашал работать молодых дизайнеров и архитекторов. Сейчас эти уже известные люди с благодарностью вспоминали: ««Старик Державин нас заметил» и дал нам шанс».

Кузнецов был настоящим воспитателем. Он открывал таланты и позволял им окрепнуть и продвинуться. Как истинный гений, Павел Алексеевич был абсолютно чужд зависти и жадности, знакомство с таким человеком Ананьев посчитал бы не шансом, а ШАНСИЩЕМ. Он был согласен работать в его доме бесплатно. За корку хлеба и стакан воды. Пахать, окучивать, *творить*, и черт с ней, с ипотекой! Такой шанс дается один раз в жизни, а квартир по Москве хватает...

– Мой муж Павел Алексеевич практически не вмешивается в обустройство сада, – с толикой гордости за лощенное «творение» напевала Катарина. – Мы с самого начала договорились: дом его вотчина, сад – мой. Вам нравится?

По совести сказать, Ананьеву понравилось то, что муж Катаринины оказался человеком слова – обещал не трогать сад и выполнил. Хотя, наверное, наверняка... хотелось тут пройти с мотыгой...

Денис скрестил пальцы на удачу, прослушал еще несколько куплетов от контральто и отправился с Ларисой знакомиться со своим временным убежищем: небольшим домиком у ворот, разделенным на две половины – жилая и рабочая. А попросту сарай для хранения рабочих инструментов.

– Раньше здесь жила семейная пара – Василий и Лида, – неторопливо поясняла горничная. – Они украинцы. Вася за садом присматривал, Лида за домом...

– А почему они уволились? – Он разглядывал комнатку с телевизором, электроплиткой, холодильником – все новое, чин чинном. Двухспальная кушетка, на окне миленькие шторы, есть книжный шкаф...

– Они уволены, – строго поправила Лариса.

– За что?

Горничная сделала круглые глаза, втянула шею в плечи, изобразила – сие есть тайна, покрытая мраком.

Один из главных постулатов закона о домоводстве гласит: в самой прибранной квартире всегда найдется точка для приложения усилий. Данное правило подходит также садоводу. Процесс приложения усилий нескончаем.

Пару часов Ананьев провел в сторожке, обустриваясь, разбирая инвентарь. Разложил его в привычном для себя порядке, кое-что подправил. Прошелся с граблями по саду. Часов с шести вечера занял наблюдательную позицию у въезда на территорию и приступил к прополке каменного бордюра подъездной автомобильной дорожки.

От гаража на спину падала приятная тень, крошечные сорняки едва пробивались меж гладких каменных валунов и вряд ли требовали такого внимания, но Денис трудолюбиво выковыривал из-под камней малейший корешок и сам себе казался девочкой, расписывающей стены в подъезде кумира любовными письменами. Он чувствовал себя фанатом от архитектуры – самоиронии хватало. Не хватало только фотографии Кузнецова, готовой вынырнуть из кармана комбинезона и отдаться под автограф.

Ананьев чувствовал себя вполне готовым броситься к автомобилю архитектора, подобострастно попросить черкнуть пару строк «на добрую память с любовью...».

Смешно. И даже наивно. По зрелом размышлении Денис не надеялся в первый же день познакомиться с обретенным кумиром, догадывался, что в принципе мог рассчитывать лишь на слабый кивок гениальной головы в сторону нового садовника...

Но все же, все же... Сидел у гаража на корточках, безропотно боролся с сорняками.

Когда через раскрытые автоматикой зеленые ворота медленно вполз сверкающий «мерседес» представительского класса – едва удержался от желания вытянуться в верноподданническую струнку.

Машина не доехала до гаража, остановилась, и из салона, с водительского места на плитки парко-вочного пятачка выскочил высокий рассерженный мужчина. Не заметив сгорбившегося над бордюром садовника, он подбежал к задней дверце, распахнул ее во всю ширь и, нырнув в салон почти до половины, долго там возился, вытаскивая из автомобиля заупрямившуюся худенькую девчонку.

– Серафима! – выкрикнул наконец. – Выходи немедленно и марш в свою комнату! – Встал возле раскрытой дверцы и, барабанив пальцами по ее стеклянной верхушке, с растяжкой произнес: – Ну? Я долго буду тебя ждать?

Со своего наблюдательного пункта Ананьев хорошо видел внутренности машины: на заднем сиденье, с демонстративной неторопливостью поправляя сбитую потасовкой одежду, сидела хмурая девушка-гот. Длинная челка вороньим крылом падала на густо подведенные глаза, узкая черная туника и брючки, больше похожие на колготки, почти сливались с кожей автомобильного сиденья. Девушка нарочито невозмутимо поправляла воротничок туники и не говорила ни слова.

– Ну как знаешь, – прошипел мужчина и рассерженной походкой заторопился к дому младших Кузнецовых.

Геннадий Алексеевич – мгновенно понял Денис. По фотографиям из Интернета Ананьев знал: два брата-архитектора похожи жутко – оба высокие brunеты с широкими залысинами на умных лбах, «породистые», Павел Алексеевич позволял себе некоторую художественную небрежность в одежде, был чуть более худощав, Геннадий выделялся в любой толпе лоском и претенциозностью.

Девчонка получалась – дочь Геннадия Алексеевича.

...Серафима показала спине отца язык и невозмутимо выбралась из машины.

Захлопнула обе дверцы, немного постояла, глядя поперх автомобиля, и только тут заметила Ананьева.

Секунд десять водила по гигантской, выпрямившейся фигуре сердитыми глазами. Ананьев взгляда не отвел. Он хорошо знал подобный тип подростков-бунтарей, пугающих родителей намазанными черной помадой губами, перстнями в виде черепов и застольными беседами на загробную тематику. Денис лояльно относился ко многим молодежным субкультурам, подозревая в них больше позы, чем действительной идеологии. Не найдя в лице Ананьева ничего похожего на осуждение или вызов, шумно выдохнула:

– Ты кто? – перекинула через плечо прядь длинных иссиня-черных волос.

– Садовник. Новый. Денис, – членораздельно представился тот.

– Закурить есть?

– Здоровье берегу.

– И этот туда же, – вздохнула девушка и медленно, словно прикидывая, куда идти, направилась к крыльцу своего дома.

Ананьев покрутил головой – отцы и дети, неизживная проблема – и сел на корточки перед каменной грядкой. Днем Лариса мельком посвятила его в хитросплетения генеалогии кузнецовского рода: у кумира имелась пара близнецов, отъехавших повысить образование в Кембридже. Геннадий Алексеевич был женат на Елене вторым браком, от первой жены остался еще и сын Дмитрий, который сейчас обретается где-то за бугром, изучает экономику и обещает вскоре быть. Саму Елену Ананьев видел мельком – миниатюрная шатеночка за тридцать, личико милое, приветливое, возле шикарной Катарини смотрится как дичок, привитый к пышной чайной розе.

...В дом Серафима так и не поднялась. Вернулась к машине и стала обшаривать бардачок.

Сигареты ищет, догадался Денис. Откуда архитектор привез строптивую дочь – без сигарет, без сумочки, – оставалось только догадываться. Серафиме можно было дать и пятнадцать лет, и двадцать пять – боевая раскраска гота сильно искажала возраст, но на школьницу, загулявшую после продленки, она все же не тянула...

Ананьев уже пропалывал бордюр возле самых ворот, когда минут через сорок Серафима, все в том же похоронном прикиде, возникла вновь. Встала сбоку, Денис видел только тупые носики туфелек-балеток:

– Эй, как тебя... Дэн... пошли чай пить? – Ананьев неторопливо отложил в сторону маленькую тяпку, поднял голову к девушке.

– Пошли к бабуле чай пить, – более конкретно, нетерпеливо проговорила Сима. Ее тон – капризный, понукающий – не скрыл некоторого заискивания и готовности при отказе тут же послать к черту не только Ананьева, но и весь остальной мир.

А может быть, заплакать. Глаза девчонки мерцали зеленоватыми виноградинами, черные губы шевелились и уже готовились выплюнуть: «Да пошел ты!...»

– Это Вера Анатольевна меня зовет? – спросил Денис.

– Нет! Я!

Ананьев недоуменно поднял брови.

– Пошли! – Девчонка нетерпеливо мотнула челкой.

– Зачем? У меня работа...

У меня архитектор Кузнецов еще не приехал.

Плечи девушки немного обвисли.

– Слушай, пошли, а? Я жрать хочу, сил нет!

– Так иди...

– Не хочу со своими ужинать, – быстро перебила Сима. – Пошли со мной к бабушке, у нее в восемь всегда чай накрывают. В саду.

– А я-то тут при чем?

– При тебе не будут нотаций читать, – усмехнулась девчонка. – У нас не принято выяснять отношения при посторонних.

Денис покачал головой, встал прямо: макушка довольно высокой девушки едва сравнялась с его носом. Стянул с руки перчатку...

– А это удобно?

– Удобно, удобно, – затараторила Сима. – Иди мой руки, надень что-нибудь, пойду тебя с бабулей знакомить.

Денис, не особенно торопясь, снимая на ходу вторую перчатку, пошел к садовому домику. Серафима правильно угадала – или заведено у них так было? – садовник безраздельно принадлежал лужайкам Катарины, на территорию остальных Кузнецовых его не приглашали. Так что с Верой Анатольевной еще не познакомили, Денис только видел высокую седовласую даму издалека, гуляющей под старыми деревьями, и приглашения на семейное чаепитие никак не ожидал. Жилая каморка его домика была оснащена всем необходимым, по словам Ларисы, прежние работники питались с хозяйской кухни, но у себя...

Пожалуй, только случай – размолвка чада с папашей – представил ему возможность познакомиться со всем семейством в первый же вечер. В неформальной, так сказать, обстановке.

Как ни крути – спасибо Симе.

Длинный стол со столешницей из гладких скобленных досок под старыми яблонями возле дома-ворчуна накрывала Елена. Вера Анатольевна сидела на деревянном стуле с высокой спинкой и крепкими подлокотниками, с руки кормила кусочками мяса пожилую толстую болонку. Болонка беззубо чавкала и ела, кажется, только из уважения к хозяйке.

Для порядка собачонка немного поворчала на кроссовки садовника, потом услышала «Фу, Таисия», обнюхала шнурки и убралась под стол, где положила голову на хозяйскую туфлю, вздохнула всем тельцем и закрыла глаза.

Секунд через сорок из-под стола раздался вполне человеческий храп.

И следует заметить, именно благодаря тому, что в момент знакомства с новым садовником Вера Анатольевна была занята кормлением любимицы, знакомство это прошло гладко, как-то по-семейному и без неловкости. Ананьев моментально понял – его день! – в любом

другом случае надменная седовласая дама с прической под космонавта Валентину Терешкову вряд ли была так благосклонна и дружелюбна. Она с улыбкой посматривала, как Таисия елозит розовым носом по кроссовкам садовника, как тот, высокорослый и комично неуклюжий, замирает над озабоченной новыми запахами собачкой...

Серафима забыла о садовнике сразу, едва мачеха выставила на стол тарелку с сэндвичами и пирог. На Елену она демонстративно не обращала внимания, разговаривала только с бабушкой и набивала рот бутербродами, отчего Вера Анатольевна только морщилась, но замечаний – не говори с набитым ртом! – все же не делала.

В семье не принято выяснять отношения при посторонних.

Бабушка сконцентрировала внимание на новом работнике – Ананьеву показалось, что чуточку тоже демонстративно, – и спрашивала в основном о том, чем Денис занимался раньше, его работа – это призвание, хобби или временная передышка?

От этих расспросов Ананьев немного ежился и поминутно желал Таисии крепкого здоровья: как только собачка уснула, с лица хозяйки практически исчезла улыбка. Денису казалось, что он попал в офис компании, занимающейся трудоустройством населения, причем с уклоном в трудоустройство трудновоспитуемых подростков.

– Верочка Анатольевна, – с мягким укором прервала очередной вопрос Елена, – ну что вы, в самом деле, к мальчику пристали? Пейте чай, Денис, а то совсем остынет.

Огромный «мальчик» и «тете» пожелал крепчайшего здоровья. Послал Серафиминой мачехе благодарную улыбку и откусил кусок сэндвича с курятиной. За пятнадцать минут, проведенных под старыми яблонями, простенькая Елена показалась ему наиболее милой представительницей семейства Кузнецовых. (Таисии вообще – пятерка с плюсом!) Серафима использовала его в корыстно-голодных интересах, Вера Анатольевна едва заметно расставляла акценты: «Вы, милый юноша, всего-то лишь работник»; пришедшая чуть позже Катарина тоже была мила и добросердечна, она внесла в беседу светскую легкость и непринужденность...

Но в сторону жены кумира Ананьев старался не смотреть. На опасно красивых женщин он наложил табу.

* * *

Павел Алексеевич приехал только в десятом часу. Сказал, что успел поужинать в городе, но чаю выпьет с удовольствием; расцеловал матушку, приложился к жениной ручке...

Ананьев понимал, что нужно уходить. Чай давно выпит, бутерброд съеден. Сгорая от неловкости, он врос в деревянную скамейку и только что корней до земли не пустил. Свесил огромные ладони-лопаты под стол – нервные движения пальцев выдавали смятение – и ждал... неизвестно чего. Вопросы, слова от высокого худощавого мужчины с крупными залысинами, «спокойной ночи, Денис» от Веры Анатольевны...

– Котенок, это наш новый садовник Денис, – промурлыкала наконец Катарина и кокетливо положила щеку на почти обнаженное приподнятое плечо.

– Да, да, – невнимательно кивнул кумир, и в груди Ананьева что-то гулко хлопнуло, оторвалось и покатилося под лавку. Наверное, душа – попробовала воспарить, но пугливо устремилась к пяткам. Кумир отставил чашку, прищурился на нового работника... Душа теплой волной пробежала обратно и вернулась на место! – И как вы находите наш сад?

Вот он – момент истины!

Вопрос, не исключено, был чисто риторическим, и никакого развернутого ответа от молчуна садовника архитектор не ожидал, но Ананьев проговорил, как шагнул в открытый люк летящего самолета, забыв проверить, имеется ли за спиной парашют:

– А это зависит от того, что вы имеете в виду.

Несколько секунд затяжного полета прошли в полнейшей тишине.

Тут либо пан, либо пропал. Второго случая может не представиться: не сумеешь заинтересовать, к тебе будут относиться как к затупившемуся садовничьему инвентарю – бездумному приложению к огородному культиватору.

Кузнецов аккуратно поставил чашку на блюдце, вытянул губы...

– Нуте-с, нуте-с, молодой человек, что вы имеете нам сказать? – проговорил с одесскими интонациями, скосил глаза на примолкшую жену...

– С технической стороны сад в безупречном состоянии, – серьезно произнес Денис. – Если же вас интересует мое мнение относительно планировки...

Павел Алексеевич более откровенно посмотрел на жену, насмешливо сморщил нос...

Ананьев ступил на чужую территорию. *Мой прежний садовник был очень послушен.* Катарина выдержала насмешливый взгляд – душа Ананьева подпрыгивала теннисным мячом, застревала в ребрах, как в туго натянутой сетке, – усмехнулась и положила острый подбородок на ладонь, поставленной на локоть руки.

Почему-то промолчала.

– Так что же вас не устраивает в нашей планировке? – обернулся к садовнику Павел Алексеевич. В его голосе все так же слышалась насмешка, только непонятно по чьему адресу.

– Каменная горка-водопад и дорожка к нему расположены не совсем правильно. Вечерние тени, падающие от елей за забором соседей, режут перспективу на дольки. Если повернуть водопад и дорожку немного левее, тени, напротив, придадут ансамблю глубины.

Кузнецов откинулся на спинку лавки, внимательно посмотрел на садовника:

– Вы совершенно правы, Денис. На сколько бы вы предложили развернуть водопад?

– На двадцать пять – тридцать градусов. В идеале – двадцать восемь.

Павел Алексеевич перекрутился всем корпусом, повернулся к жене:

– Катенька вряд ли согласится что-либо менять...

Жена вскинула голову, мотнула шевелюрой...

– Снова грязь разводить, – певуче продолжил архитектор, – газоны ворошить...

– Я все сделаю быстро! – горячо вступил садовник. – Дня за три, за четыре!

Супруги молча смотрели в глаза друг другу; «теннисный мяч» плотно застрял в «сетке», вибрирующей от удара...

Катарина внезапно фыркнула:

– Пожалуй, мальчики, вы меня рано в ретроградки записали. Денис, что вы собираетесь делать?

– Никакой грязи я разводить не намерен, – быстро, пока хозяйка не передумала, заговорил Ананьев. – Водопад можно почти не трогать, развернуть чисто зрительно...

– Разумно, – перебил Кузнецов и встал с лавки. – Желаю успехов. Приятно было познакомиться, Денис.

Эта скупая похвала не давала Ананьеву уснуть до самого утра.

То был аванс.

Через неделю, когда работа по переустройству водопада и дорожки была закончена, Павел Алексеевич подошел к Ананьеву.

– Денис, – сказал, подвигав взад-вперед губами. – Через несколько недель у меня освобождается место в отделе ландшафтного проектирования. Вы не хотели бы поработать вместе со мной? Будет интересно...

Ананьев чуть не взвился в воздух, как терьер, ловящий зубами пластмассовую тарелку.

Поймал! Поймал свой ШАНСИЩЕ!!

– Я готов, с радостью, – ответил скромно.

– Тогда вернемся к этому разговору через три недели.

Ананьев был готов удрать из этого сада уже сегодня. В ту же минуту. Скатать поливочный шланг и пешком отправиться в Москву до крыльца перед дверью студии Кузнецова. Сидеть там эти три недели и жить подаяниями для голубей и кошек.

К своему ужасу молодой садовник начинал понимать, что он влюбился.

Часть первая

Профессор Савельев не выносил плавающих в какао молочных пенек.

Не любил всяческих быстрорастворимых новомодностей. Вадим Арнольдович предпочитал «Золотой ярлык» от фабрики «Красный Октябрь» и в этом был консервативен.

Софья Тихоновна, потакая капризам мужа, варила какао по старинке – в эмалированной кастрюльке, процеживая, остужая, следя, чтобы наивреднейшие пенки не попадали в кружку...

Молоко обещало скоро убежать. Белая пена скапливалась вдоль стенок кастрюльки...

Трубка телефона, лежащая на кухонной тумбе, зазвенела в момент, когда Софья Тихоновна уже держала над кастрюлькой полную ложку коричневого порошка.

Вздрыгнула. И порошок частично просыпался на плиту.

Схватила телефон и, зажимая его между плечом и ухом, размешивая в молоке то, что осталось после рассыпания, сказала:

– Слушаю! – выключила конфорку и добавила более сердечно: – Алло.

– Доброе утро, – отозвалась трубка смутно узнаваемым голосом. – Софья Тихоновна?

– Да, доброе утро.

– Это Вера Анатольевна Кузнецова... – представился голос, и Софочка машинально кивнула, едва не выронив трубку прямиком в кастрюлю. – Помните меня?

По сути дела, профессорской женой Софья Тихоновна была, прямо скажем, новоиспеченной, в академической среде еще «нераскрученной», но седую чопорную вдову то ли архитектора, то ли строителя вспомнила сразу же. Они познакомилась на юбилее одного из коллег Вадима Арнольдовича, потом пару раз встречались в домах общих друзей. Кажется... кажется, к науке как к таковой Вера Анатольевна отношения не имела, ее уважительно рекомендовали бизнес-леди и обращались за советами по вопросам экономики.

...Две пожилые дамы чинно поболтали о друзьях, погоде и ревматизмах – Софья Тихоновна за это время успела отнести какао мужу, – голос Веры Анатольевны звучал как-то нетипично скованно и глухо, она явно выжидала удобного момента. И Софья Тихоновна помогла ей вопросом:

– У вас ко мне какое-то дело, Вера Анатольевна?

Спросила, по сути не надеясь на утвердительный ответ. На памяти Софочки вдова архитектора-стоителя относилась к женщинам, решающим проблемы самостоятельно, и вряд ли ей требовался совет от бывшей библиотечарши, нынче пенсионерки мадам Савельевой.

– Да, – тем не менее прозвучало в трубке. – Софья Тихоновна, в доме у Стельновых Вадим Арнольдович говорил, что на досуге вы небезуспешно занимаетесь расследованием преступлений. Это правда?

Жена профессора как вкопанная остановилась посередине коридора – в этот момент она мчалась на кухню за маслом и ножом – и некоторое время соображала: а в чем подвох?

Примерно месяц назад, на дне рождения господина Стельнова, застольный разговор коснулся необычных хобби. Вадим Арнольдович тогда сразил общество наповал, заявив, что самое нетривиальное хобби имеет его супруга – на досуге она расследует убийства.

Софочка смущенно постаралась свести все к шутке, но кое-кто, по всей видимости, принял заявление подвыпившего профессора всерьез.

– Не совсем так... – промямлила некогда скромная библиотечная мышка.

– Софья Тихоновна, – с напором произнесла Кузнецова, – ответьте прямо: вы уже расследовали убийства?

– Да, но это...

– Мне нужна ваша помощь. Совет, – перебила неловкое блеяние Вера Анатольевна. Еще при первом знакомстве Софья Тихоновна отметила, что дама-бизнесмен не любит экивоков,

четко строит фразы, вопросы лепит в лоб, на взгляд тишайшей Софочки, немного по-мужски. По сути. – Три дня назад был убит мой младший сын Геннадий. В убийстве обвинили садовника. Он арестован. Но я не верю, что этот мальчик виновен.

– Но право, я...

– Софья Тихоновна, вы не могли бы ко мне приехать? Мне просто необходим совет сведущего человека.

Софья Тихоновна прижалась спиной к стене коридора, поймала свое отражение в зеркальной дверце огромного шкафа-купе: растерянная, даже обескураженная, глаза блестят серебристыми никелированными пяточками и мысли в них не видно...

– Вера Анатольевна, говоря о том, что я умею распутывать преступления, Вадим Арнольдович несколько преувеличил. Навесил мне чужие доблести. Преступления раскрывает моя ближайшая подруга Надежда Прохоровна, я только оказываю ей посильную помощь...

– Надежда Прохоровна сейчас свободна? – сразу вцепилась в рога бизнес-дама, и Софья Тихоновна невесело усмехнулась. Пожалуй, Вера Анатольевна приняла пенсионерку бабу Надю за славного сыщика из детективного агентства, заваленного предложениями, слезными мольбами клиентов...

– Вера Анатольевна, моя подруга и соседка Надежда Прохоровна Губкина совсем свободна. Она пенсионерка. Работала крановщицей мостового крана на заводе...

Как бы ни любила свою Наденьку Софья Тихоновна, но трезво оценивать обстановку умела всегда: вдова архитектора Кузнецова и вдова работяги Васи – несовместимы вовсе. Представить невозможно больших антиподов! Надежда Прохоровна – очень пожилая любительница криминальных сериалов и книжек в обложках, всю жизнь прожившая бок о бок с Софочкой в коммунальной квартире, – никак не монтировалась со стальной, лощеной Верой Кузнецовой. Тут надо отдавать отчет: умозрительные заключения, высказанные корявеньким языком дражайшей Наденьки, Вера Анатольевна вряд ли воспримет всерьез. От Кузнецовой за версту несет *породой*, она умна, надменна...

Хотя... о какой надменности может идти речь, когда твой сын убит?

– Хорошо, Вера Анатольевна, я поговорю с Надеждой Прохоровной. Надеюсь, она не откажет.

– Спасибо. Буду ждать вашего звонка.

...Уговаривать Надежду Прохоровну не пришлось совершенно.

Окрыленная недавними сыщичьими успехами, баба Надя выслушала Софу, прямо скажем, с суровым удовольствием на лице. Просьбу восприняла всерьез. И кажется, в отличие от Софьи Тихоновны, нисколько не сомневалась, что может быть полезной.

Какие сомнения, когда сам – сам! – майор Дулин, глава районного убойного отдела, воспринимает бабу Надю в абсолютнейший серьез!

Надежда Прохоровна надела парадно-выходное платье в желтых лилиях по зеленому полю, мазнула по губам помадой и сменила тапки на удобные матерчатые туфли.

– Готова, поехали, – сказала, оглаживая перед зеркалом платье на крепких пенсионерских боках, и у Софьи Тихоновны тихонько сжалось сердце.

За последнее время Надежда Прохоровна, слов нет, привыкла к обществу ученых гостей Вадима Арнольдовича. Многие из них находили ее трезвой и рассудительной, кое-то – занятой; Надежда Прохоровна, абсолютно чуждая всяческих реверансов, лупила в лоб не хуже Веры Анатольевны.

Как они сойдутся?!

Знаменитый дачный поселок неподалеку от Москвы практически полностью захватила новая бизнес-элита. С хорошо охраняемой территории почти исчезли дощатые заборы – сплошь высоченные да каменные пошлы, с виднеющимися из-за них могучими домами под

черепичными крышами. Между заборами пролегли отлично отремонтированные дорожки, возле ворот стоят всяческие «мерседесы», дети на великах гоняют такие нарядные...

Надежда Прохоровна крутила головой и сравнивала жилища местных богачей с коттеджным поселком профессорского племянника Ромки. Еще года полтора назад каменный двухэтажный дом Романа сразил Надежду Прохоровну наповал. Во времена ее молодости самый приличный дачный домик был у завхоза стоматологической клиники Бориса Моисеевича. Тогда его шитый тесом – не фанерой! – домик на фоне остальных «курятников» смотрелся Ливадийским дворцом... Приличный, свежеекрашенный, с флюгером на крыше... Лужайки (!). Два выгоревших шезлонга возле утопленной в землю чугунной ванны. На глади ванны-пруда пластмассовый лебедь с обкусанным собакой алым носом.

Помнится, привезли тогда Надя и Вася Губкины презент завхозу – грампластинку с записью голоса итальянского мальчика Робертино Лоретти. И вечером, когда все шашлыки были съедены, а вино еще не выпито, тек над флюгерной крышей сладкий мальчишеский голосок, и плакал Борис Моисеевич над «соля миа», роняя слезы в миску с огуречным салатом... Говорил о теплом южном море и пылких загорелых красавицах, что ждут не его, не его, не его...

А через год свалил на жаркую историческую родину.

Шикарную дачу с флюгером купил у него директор овощного магазина.

Надю и Васю Губкиных на новоселье, разумеется, не пригласили – не по чину было, господа. Но навсегда тот дачный домик остался в памяти Надежды Прохоровны неким эквивалентом соизмерения богатства...

А тут, а нынче, оно покруче выходило. Тут, в научно-писательском поселке, еще в стародавние времена (когда на Ромкином участке только болотистое поле размещалось да пни произрастали, а Борис Моисеевич только-только успел чугунную ванну в торф участка вкопать) вокруг домов росли березы и елки. Эти елки помнили еще патефоны и папиросы «Герцеговина Флор», керогазы, примусы и дружеские соседские застолья под комариный звон до первых петухов... «Оттепельные» разговоры тоже помнили, еще не забитое «шумелками» заграничное радио...

Нынешние внушительные строения за каменными заборами на примусы и «оттепельные» застолья никак не намекали – внушали робость. А этого чувства Надежда Прохоровна категорически не выносила. Воспитанная в духе строителей коммунизма, Надежда Прохоровна до седых волос верила в гегемонию пролетариата и до сих пор считала, что на подобные дома можно заработать только воровством да ловкостью, а никак не умом и деловой хваткой.

Софья Тихоновна, с трепетом ожидающая знакомства бабы Нади с надменной архитекторской вдовой, торопливо вносила корректировки в бабы-Надино мировоззрение:

– Я тут с Вадимом переговорила... Муж Веры Анатольевны еще в советские времена был очень известным архитектором. Его работы признаны во всем мире, проекты и сейчас в учебниках по архитектуре печатаются...

– Сонь, ты что – переживаешь? – Надежда Прохоровна не зря прославилась, как местная мисс Марпл. Ловкий ум бывшей крановщицы мгновенно вычислил причину суетливого лопотания подруги. Бабушка Губкина тяжело поворочалась на заднем сиденье такси, сложила руки под массивной грудью... – Я, Соня, не тупая, понимаю – кто чего достоин... Не балабол без толку.

Софья Тихоновна прикрыла глаза — *не балабол без толку...*

Несовместимы, нет – несовместимы!

Тут же открыла глаза, покосилась на дорогую Наденьку – никогда и никому Софья Тихоновна не позволит обидеть любимую подругу даже взглядом! Подруга умница и чудо, а некоторую ее бестактность – чего уж душой кривить, имеет место быть – всегда можно смикшировать... У Верочки Анатольевны сын погиб, Надюша в самом деле может быть полезна...

Вера Анатольевна встретила гостей в большой гостиной старого, удивительно обветшавшего дома. Проходя по участку в сопровождении горничной, видя два хороших новых дома, Софья Тихоновна никак не ожидала, что жилище успешной бизнес-леди может оказаться таким неухоженным. Дом походил на заблудившегося в запутанном саду старого ловеласа – когда-то красивый и по прежним временам даже кокетливый, он превратился в укориженный артефакт. Укор новехоньким соседям.

В квадратной гостиной с большим окном и выходом на террасу стояла хорошая мебель – резная, дубовая, прочная. Посудные шкафы ломились от запывлившейся дорогой посуды, фарфоровых статуэток, шкатулок. Огромный шелковый ковер почти не вытерся. Совершенно пыли не было только на многочисленных фотографических рамках, стоящих повсюду и развешенных по стенам, и нескольких картинах, писанных акварелью и маслом. Внутри стеклянных горок лежала пыль, пыль, пыль...

Вера Анатольевна, заметив, что Софья Тихоновна разглядывает одну из статуэток, произнесла:

– Это Гарднер. Когда-то у этого бисквитного пастушка была пара. Но наша прислуга так небрежно обошлась с пастушкой... Теперь она дожидается отправки на реставрацию.

Понятно. Пышное обилие пыли нашло объяснение – хозяйка поссорилась с домработницей, разбившей раритетную пастушку из бисквитного фарфора, теперь, по всей видимости, протирает ценности сама, да руки не всегда доходят...

Надежда Прохоровна, не большая любительница тонкой посуды и прочей дребедени, села в кресло с деревянными подлокотниками, к ней тут же, ковыляя на кривеньких лапках, подошла толстая кудрявая собачка. Упитанное розовое тельце просвечивало сквозь жидкие белые кудряшки, болонка походила на заволосатившийся батон псевдодокторской колбасы с щедрым добавлением красителя.

Вздыхнув, как бурлак, сбросивший ляжку, болонка села напротив бабы Нади и уставилась на нее выпуклыми слезящимися глазами. Серьезный и грустный взгляд собаки заставил Надежду Прохоровну потянуться за печеньем из вазочки на низком чайном столике, но Вера Анатольевна ее остановила:

– Не надо, Надежда Прохоровна. У Таисии диета. Она об этом знает, так что не обидится.

Собачка, видимо, поняла, о чем разговор. Вздыхнула снова по-бурлацки и поплелась на коврик-подушечку, положенный у ножек высокого удобного кресла хозяйки.

Все приветствия были сказаны, ненужности произнесены, а чай предложен. Вера Анатольевна приступила к делу.

Привычно опустив руку вниз и найдя пальцами теплую собачью голову и поглаживая ее, Вера Анатольевна начала рассказ:

– Три дня назад, возле садовой сторожки, мимо которой вы проходили, в шесть часов утра был найден мертвым мой младший сын Геннадий.

Собачка, чувствуя волнение хозяйки, негромко заворчала.

– Ему перерезали горло садовым ножом. Нож потом нашли в бочке, где скапливается дождевая вода. Орудие убийства принадлежит нашему новому садовнику Денису. Он арестован.

Четко выложив факты, Кузнецова замолчала, сделала лицо непроницаемым, и только по глазам, блестящим от подступающих слез, позволила догадаться: ей говорить, вспоминать невыносимо.

Софья Тихоновна беспомощно посмотрела на Надежду. Расспрашивать убитую горем мать неловко... Может быть, Наденька... может быть, найдет...

Но случай, видимо, не тот. Честь начинать расспросы была отдана той, кто более знаком с хозяйкой дома.

– Вера Анатольевна, – неловко вступила Софа, – по телефону вы сказали, что не верите в виновность Дениса... Почему?

Едва владея сведенными в напряжении лицевыми мышцами, вдова архитектора произнесла:

– Этот мальчик не убийца.

– А почему его арестовали?

– Он жил в этой сторожке, ему принадлежит орудие убийства, он первым обнаружил тело.

– А мотив?

Своеобразное хобби любимой Наденьки научило тишайшую Софью Тихоновну некоторым премудростям сыщицкого ремесла: три кита расследования – возможность, орудие, мотив – не плавают отдельно.

– Мотива я не вижу, но он не исключен. Мой сын крайне неприязненно относился к садовнику, могла вспыхнуть какая-то ссора... – Вера Анатольевна запнулась. – И я бы вполне приняла ее как факт, если бы... если бы на руках и теле Геннадия были обнаружены хотя бы малейшие следы завязавшейся потасовки. Их нет. А поверить в то, что Денис просто так, исподтишка, из-за спины мог перерезать горло – не могу. Геннадий крепкий, взрывной мужчина. Он мог ползть в драку первым, и уж поверьте, тогда бы на лице Дениса остались хоть какие-то отметины. Но их нет. И у Геннадия кулаки не сбиты...

– И вы только поэтому не верите в виновность Дениса?

– Нет. – Вера Анатольевна подняла голову, посмотрела на потолок, на большую хрустальную люстру. – Я вообще не верю, что этот мальчик способен на убийство.

– Он давно у вас работает?

– Чуть более двух недель.

– И вы считаете, что успели хорошо его узнать?

Вдова архитектора внимательно посмотрела на гостей:

– Мне кажется, за семьдесят шесть лет я успела научиться понимать в людях. Денис – не убийца.

Вера Анатольевна хорошо помнила то утро. В начале седьмого начала беспокоиться Таисия. Старая, почти глухая собачка поставила передние лапки на кровать хозяйки и стала тыкаться в ее щеку холодным, мокрым носом. Скулить.

Вера Анатольевна подумала, что Тасе срочно нужно выйти в сад «по делам». Накинула халат на пижаму и поспешила на крыльцо. Взяла собачку на руки – болонка уже давно не могла самостоятельно спуститься по ступеням высокого крыльца, – бросила невнимательный взгляд по сторонам...

Вдалеке, почти скрываемый ветвями старых деревьев, из-за сторожки выходил Денис. Что-то в его движениях показалось Вере Анатольевне странным, она задержалась на крыльце, дождалась, пока парень ее заметит и подойдет...

Таисия вырывалась из рук как сумасшедшая! Скулила, рыдала...

– По словам медицинского эксперта, Геннадия убили примерно в половине третьего ночи. Денис нашел тело в шесть. У него было время убежать или как-то изменить картину преступления – избавиться от ножа, от следов крови на одежде... Он этого не сделал. А я поверить не могу, что парень, совершив убийство, чего-то ждал почти четыре часа и лишь потом, в испачканной одежде, «случайно» попался мне на глаза.

Еще Вера Анатольевна могла бы добавить: когда скованного наручниками Дениса проводили мимо нее, парень, остановившись на секунду, сказал: «Вера Анатольевна, вы верите?! Вы верите, что я не убивал вашего сына?!»

Тогда, сраженная горем, она ничего не ответила. Но наверное, навсегда запомнила глаза садовника – он не убийца. Глаза не ввали.

И сейчас ничего рассказывать не стала. Симпатии и антипатии не пришивают к делу. Парень попросту напоминал ей старшего сына – такой же увлеченный, такой же вдохновенный, горящий... Вера Анатольевна любила талантливую молодежь и отдавала себе отчет, что она – предвзята. И потому – вступилась. За парня, на которого ополчился весь свет.

– Вера Анатольевна, на ваш участок мог проникнуть посторонний? – воткнулся в думы голос

Софьи Тихоновны. – Может быть, Геннадий наткнулся на грабителя...

– Совершенно исключено. Наш поселок хорошо охраняется. Участок с трех сторон окружают участки соседей, вдоль заборов густые посадки либо клумбы. На них нет следов. Извне никто не проникал.

– А через ворота? Если вор опытный и ловкий?

Кузнецова невесело усмехнулась:

– Опытного и ловкого вора засняли бы камеры наблюдения нашего соседа напротив – газовика Непряхина. У него личная охрана, камеры отслеживают периметр и подъездную дорогу. Милиционеры проверили – все камеры исправны, никаких посторонних людей не засняли.

Поставив увесистую точку в вопросе о посторонних, Вера Анатольевна повернула лицо к окну и замолчала, прокручивая на пальце массивное кольцо с сапфиром.

Тактичная жена профессора смотрела на нее с тревогой – Кузнецова побледнела, под левым глазом билась синяя набрякшая жилка – и никак не могла приступить к следующему напрашивающемуся вопросу. Посмотрела на Наденьку.

Эту постоянную игру в переглядки Вера Анатольевна заметила, едва две непохожие подружки появились в этой гостиной. Изящная, словно акварелью выписанная кудрявенькая Софья Тихоновна нисколько не походила на простонародную, комично серьезную Надежду Прохоровну. (От общих знакомых Вера Анатольевна знала – жена профессора Савельева весьма дворянских кровей будет.) Ширококостная пенсионерка-крановщица, с объемной грудью, крупным носом, сурово поглядывала по сторонам и благосклонностью одаривала только Тасю. Она почти не разговаривала – присматривалась, и полностью передала бразды правления беседой милой Софе.

Но было заметно: каждый вопрос Софья Тихоновна предваряла незаметным, из-под ресниц, взглядом на Надежду Прохоровну. Ждала подсказок. Одобрения.

И вот теперь, подойдя к самой щекотливой теме, беспомощно и откровенно смотрела на подругу.

Та покряхтела чуть слышно, сложила руки под массивной грудью, и Софья Тихоновна, видимо ободренная этим кряхтением, произнесла:

– Вера Анатольевна, а кто вообще в ту ночь находился здесь?

– Мои сыновья Геннадий и Павел, – тяжело выговорила вдова архитектора, – мои невестки Елена и Катарина. Дочь Геннадия от первого брака Серафима. Я, Денис.

– Шесть человек, – пробормотала Софья Тихоновна, покосилась на бабу Надю. – Вы кого-нибудь можете подозревать?.. Простите...

– Нет, – четко ответила Кузнецова. – Если бы я кого-то подозревала, то разговаривала бы сейчас со следователем, а не настаивала на вашем приезде.

– Значит, посторонний сюда проникнуть не мог... Были только ваши близкие... А каков мотив мог быть у кого-то из родственников?.. Простите... Кто-нибудь из семьи мог желать смерти Геннадия?

Надежда Прохоровна незаметно дирижировала сгорающей от неловкости Софочкой, Вера Анатольевна внутренне усмехнулась – как, однако, странно у этих сыщиц заведено – и ответила просто, по сути:

– Денежный мотив практически исключен. Из-за денег или наследства могли убить меня или Павла, но не Геннадия.

– Почему? – впервые за разговор подала голос Надежда Прохоровна.

– В финансовом плане Геннадий совершенно безынтересен. Фирма, на которой работают сыновья, до сих пор безраздельно принадлежит мне...

– Почему?

Надежда Прохоровна начала «копать», в ход вступила «тяжелая артиллерия», бомбила прицельно и беспощадно по болевым точкам. Деликатнейшая Софья Тихоновна даже съежилась, но тем не менее отдала разговор в бестрепетные, когда-то мозолистые руки бывшей краповицы. Она сама сумела б эдак вряд ли...

– Почти четверть века назад я и мой муж Алексей Дмитриевич основали архитектурное бюро. Я, как финансист, взяла на себя вопросы экономики и делопроизводства, не вмешивалась в творческий процесс. После смерти Алексея Дмитриевича фирма полностью перешла ко мне.

– Сыновьям он ничего не оставил?

– Мы купили им по квартире. Еще давно. Единственным владельцем предприятия осталась я.

– Почему?

Услышав в третий раз это назойливое, быющее по ушам «почему», Софья Тихоновна не просто съежилась, а растворилась в мягком плюшевом кресле без остатка и подняла очи горе. Так упорно ковыряться в семейных спорах она не позволила бы себе никогда! На подобную бестактность способна только ее стенобитная, бронебойная Наденька!..

И в этом ее сила.

И пожалуй, право.

Вера Анатольевна сама вызвалась на этот разговор, сама пригласила пожилую сыщицу в свой дом, значит – должна быть готова к подобного рода бесцеремонности.

– Так решил Алексей Дмитриевич.

– Он не доверял сыновьям?

Ох!

Но Вера Анатольевна впервые улыбнулась. Склонила набок ухоженную голову, то ли кивнула, то ли отрицала.

– Это старая история... Когда родился Геннадий, Павлу было четыре года. Я была занята пленками-распашонками, Павел везде ездил с отцом... Алексей рано заметил в сыне талант. Он много времени посвятил его раскрытию...

– А Гена?

– Геннадия Бог наградила не так щедро. И может быть... я совсем этого не исключаю... в том была наша вина. Родительская. Алексей слишком увлекся воспитанием старшего сына, они сблизились... Геннадий чувствовал себя обделенным... Наверное. Так получилось, что между нашими сыновьями позже возникло соперничество. Геннадий постоянно рвался что-то доказать отцу... показать, что тоже достоин его фамилии...

– Ревновал? – напрямую врезала баба Надя.

– Да. И иногда это мешало делу. Лет десять назад Павел основал личную мастерскую. Окружил себя талантливой молодежью... Сейчас эта студия приносит едва ли не больший доход, чем семейное предприятие. Павел абсолютно независим финансово. Он развивается, постоянно начинает что-то новое, интересное... Десять лет назад Геннадий его не понял – зачем своими руками воспитывать, продвигать конкурентов? Я в то время уже почти решила переписать предприятие на сыновей, но... – Вера Анатольевна грустно покачала головой, – остереглась. Оставила за собой последнее слово. Иногда и теперь мне приходится разрешать конфликты сыновей практически волевым, приказным порядком... Точнее – приходилось...

Женщины немного помолчали. В полнейшей тишине из-за кресла Веры Анатольевны доносился всхрап-всхлипывание собачки...

– Сыновья совсем рассорились? – тихонько спросила бабушка Губкина.

– Нет, – словно очнулась Кузнецова. – Я бы не сказала. Просто их соперничество могло навредить делу, а это дело для меня дорого. Как память.

– Понятно, – внушительно кивнула Надежда Прохоровна.

– Убийство брата для Павла не аргумент.

– А если бы наоборот?

Ох била баба Надя, ох била! Софья Тихоновна с ужасом ждала отповеди – о чем вы говорите, любезная?!

Не дождалась.

– Отнюдь не аргумент. Не точка в споре, так как это глупо.

Надежда Прохоровна пожевала губами, хмуро поглядела на хозяйку дома:

– Но ведь кто-то же убил. За что?

– Не понимаю. Ни у кого из моей семьи не может быть мотива. Ни финансового, ни личного. Геннадий мог быть вздорным, мог скандалить, у него болезненно ранимое самолюбие... Но... Убивать? Зачем?! Не понимаю...

– А какие отношения у него с женой?

– С Леночкой? Леночка – чудо! Наш ангел-хранитель. Когда в автомобильной аварии погибла первая жена Геннадия – Анечка, он сам сильно пострадал, почти год провел в постели. Я тогда тоже свалилась с инфарктом... Леночка практически выходила нас обоих.

– Они были раньше знакомы?

– Нет. Леночка была моей сиделкой в больнице. После выписки я предложила ей переехать сюда – мы как раз только закончили строительство двух соседних домов, – она полностью взяла на себя все заботы. Ухаживала за мной, за Геной, присматривала за его детьми. Серафиме тогда было одиннадцать лет, Диме шел шестой... Предложение Геннадий сделал уже позже, где-то через год.

– Влюбился?

Вера Анатольевна впервые смутилась от прямого вопроса:

– Не думаю, что Гена был сильно влюблен. Скорее... скорее, Леночка его устраивала. Она девушка из очень простой семьи, работающая, приветливая... Она просто оказалась вдруг необходима, понимаете?

Еще бы. Когда на тебя свалилось разом: смерть жены, больная мать, сам хворый да двое деток – за любую сиделку схватишься.

– А другая невестка что ж – не помогала?

– Катарина? – Вера Анатольевна поморщилась. Имя второй невестки она произносила совсем с другой интонацией, чем когда говорила о Лене. – Катарина не в состоянии приглядывать за собой. Точнее, ее хватает только за собой приглядывать. – Отвернулась к окну, немного помолчала. – Вы обратили внимание, как неравномерно разделен наш участок?... Еще недавно на месте дома Павла и Кати стоял дом ее родителей – мы были соседями по даче. Ян Вацлович был довольно успешным дипломатом, долгое время работал в Швейцарии, потом во Франции... Там, где сейчас разбиты лужайки с клумбами, когда-то располагался теннисный корт, к соседям приезжали гости – артисты, писатели, дипломаты... Катарина была звездой нашего поселка. По ней сохли все окрестные мальчишки, как же – парижанка. Своими французскими нарядами она сводила их с ума... – Вера Анатольевна взяла со столика чашку, сделала глоток чая. – Я немного дружила с матерью Кати – Эммой. Ян Вацлович был не слишком приятным человеком – заносчивым... Он не сумел вписаться в новую действительность, слишком рьяно поддержал ГКЧП, потом пытался даже застрелиться. В общем – все пошло прахом. Какое-то время Эмма с Катей даже бедствовали. – В тонких морщинистых пальцах Веры Анатольевны

дрогнула недопитая чашка, она аккуратно поставила ее на блюдце. – Я очень удивилась, когда Павел объявил, что женится на дочери соседей. Он был немного старше, никогда не входил в круг ее поклонников. Хотя, – Кузнецова повела плечом, – как раз это невнимание с его стороны и могло сыграть решающую роль – из всех навязчивых кавалеров Катарина выбрала моего сына...

– У них есть дети?

– Да, двое. Близнецы Семен и Ян. Мальчики учатся за границей, должны вернуться через две недели. Младший сын Геннадия Дмитрий тоже учится не здесь и тоже приедет в это же время.

– А Серафима где учится?

– Серафима? – У Веры Анатольевны была странная манера повторять вопросы и имена. Складывалось впечатление, будто она с трудом меняет направление мыслей и якорем бросает имена. – Серафима наше наказание. Она нигде не учится. Дважды пыталась поступить в театральное – провалилась. Сейчас несколько раз в неделю ездит на какие-то курсы, берет уроки актерского мастерства, готовится к поступлению на этот год.

Надежда Прохоровна уже некоторое время пристально смотрела в окно, Вера Анатольевна проследила за ее взглядом – в саду, возле плавно изогнутой клумбы, работал невысокий русоволосый мужчина.

– Это Василий, – пояснила Кузнецова, – наш прежний садовник. Он и его жена Лидия работали у Катарина несколько лет, потом произошла какая-то странная история с кражей продуктов, Катарина их уволила и на место Василия взяла Дениса. Домработницей на время была женщина, раньше помогавшая Лидии при большом стечении гостей.

– А что за история с продуктами?

Вера Анатольевна брезгливо сморщилась:

– Я не вникаю в кухонные дразги. Достоверно знаю только одно: Василий и Лида Игнатенко вернулись сюда за какими-то забытыми вещами *тем же* утром. Сами они с Украины, на лето для детей и бабушки сняли комнаты в доме у нашей молочницы и, так как деньги были уплачены вперед, остались в Подмосковье. Подыскивали новую работу, случайно заглянули практически в момент ареста Дениса, Катарина взяла их обратно.

– Простила?

– Катарина слишком ленива, чтобы обивать пороги агентств по найму прислуги.

– А где же она нового садовника нашла?

– Еще одна странная история. Запутанная. Почти сразу после смерти Геннадия мне сделалось плохо, хотели даже в больницу увезти, да Лена отстояла. В общем, по сути говоря, я практически не касалась трагического происшествия. Только сегодня почувствовала себя лучше и сразу позвонила вам. Думаю, позже мы вместе попробуем внести ясность в историю найма садовника. Кажется, Лена что-то знает.

– Я могу взглянуть на место преступления?

От слов Надежды Прохоровны плечи архитектурской вдовы передернулись, уголки губ плаксиво поползли вниз, но довольно быстро Вера Анатольевна справилась с волнением:

– Да. Конечно. Вас проводит туда Елена. – Взяла со столика мобильный телефон и набрала номер. – Леночка, ты не могла бы прийти ко мне?.. Да, хорошо, жду. – Положила телефон обратно, молча посмотрела на своих гостей. Замялась. – Софья Тихоновна, Надежда Прохоровна, даже не знаю, как сказать. Вы не могли бы остаться у меня какое-то время? Обе или кто-нибудь.

Софья Тихоновна открыла рот. Но тоже не слишком торопилась со словами.

– Я понимаю! – воскликнула лошечная дама, с которой, по правде сказать, за последние дни лоск немного смылся. Не вовсе, не до конца – такое невозможно, поскольку *порода* не позволит, – но все же сегодняшняя Вера Анатольевна мало походила на ту невозмутимую мадам,

что встретила когда-то Софе. – Понимаю – ваше расследование может ни к чему не привести! Но дело не в этом, вернее – не только в этом. Сейчас мне необходима компания человека непредвзятого, с трезвым, свежим взглядом. Понимаете?

Софа перевела растерянный взгляд на Наденьку, та с комичной торжественностью закрыла оба глаза.

– Кажется, – разгадала пантомиму профессорская жена, – Наденька не против. Я, прости, не смогу. Вадим Арнольдович на больничном, как все мужчины с насморком, ужасно капризен.

По сути дела, ничего не сваливая на насморк мужа, Софья Тихоновна могла бы сказать прямо: «Профессор меня убьет, если узнает, что ввязалась в новое расследование».

И даже если не убьет, то дома запрет обязательно. Выбросит ключ в унитаз, сольет за ним полный бочок воды и сам займет место охранника у входной двери. Профессор-востоковед категорически не принимал увлечения двух стародавних подружек, считал – любое расследование связано с копанием в грязном белье ближнего и априори признавал данное хобби неуместным. Ворчал, насмешничал – порой пытался привлечь внимание общественности к «смешному» хобби, – пытался увлечь неленивый ум бабы Нади кроссвордами. Но потерпел фиаско: Надежда Прохоровна Губкина никак не выносила проигрывать. В разгадывании кроссвордов она по всем позициям уступала бывшему библиотекарю Софье. Через два дня и три кроссворда Надежда

Прохоровна вернулась к любимым детективным сериалам и книжкам в мягких обложках. Вот так-то вот.

А если уж сказать о профессоре Савельеве начистоту: Вадим Арнольдович элементарно боялся за жену, ввязывающуюся в криминальные разборки.

– Вы останетесь, Надежда Прохоровна? – с надеждой проговорила Кузнецова.

– Чего же не остаться. – Мадам Губкина поворочалась в кресле с грацией бегемота, прислушалась к легкому топотку, донесшемуся из прихожей.

– Знакомьтесь – Леночка, – представила входящую стройную, миловидную женщину Вера Анатольевна. – Леночка, это мои старинные приятельницы – Софья Тихоновна и Надежда Прохоровна. Я пригласила Надежду Прохоровну пожить у нас какое-то время, Надежда Прохоровна любезно согласилась.

Елена, не сказать чтобы с огромной радостью, оглядела суровую крупноносную бабушку в цветастом платье, пожалуй, с рынка. Мазнула взглядом по улыбочивой Софье Тихоновне.

– Кстати, Леночка. Наденька еще в школьные времена славилась умением распутывать самые странные загадки. – Прищурилась, посмотрела на недоуменно застывшую невестку. – Даже преступления. Ты ведь тоже не веришь, что Геннадия убил Денис?

Неожиданность всего, внезапность вопроса совсем сбили с толку симпатичную шатенку в темном, цвета горького шоколада платье. Елена подняла оба плеча высоко вверх, помотала головой:

– В уме не укладывается.

– И у меня, – проявила согласие свекровь. – Поможешь Надежде Прохоровне разобраться?

– С чем?! – Недоумение Елены возрастало.

– Отведи ее к сторожке, покажи *то* место. В общем – сама понимаешь.

– Ну-у-у... Как скажете, – обескураженно промямлила невестка. Не исключено, подумала: свекровь тихонько тронулась. Пока без буйства, но лиха беда начало... Приглашает в дом каких-то школьных Сонь и Надь, намекает на детективные способности нелепой бабки с поджатыми губами...

– Сделай, пожалуйста, как я прошу.

– Пойдемте, – не скрывая удивления, сказала Лена и, не дожидаясь «школьниц», пошла на выход.

С вершины высокого, с белеными каменными перилами крыльца открывался вид практически на весь участок. Сквозь не слишком густые ветви старых деревьев проглядывали оба новых дома, сторожка садовника неподалеку от гаража и ворот.

Софья Тихоновна легонько подтолкнула Наденьку в спину:

– Пойдем?

– Идите, я сейчас. Очечницу на столе оставила.

Неловко повернувшись, – колено хрустнуло, заныло! – Надежда Прохоровна заковыляла обратно в дом. Медленно прошла прихожую: Вера Анатольевна, сгорбившись, упирая локти в живот и поджав ноги, скорчилась в кресле.

– Э! Анатольевна! Тебе чего – плохо?! – забеспокоилась Надежда Прохоровна. Заторопилась, ходко подбежала к хозяйке.

Не разгибая спины, Вера Анатольевна повернула к гостье лицо.

Едва только попав в этот дом и увидев архитектурскую вдову, Надежда Прохоровна сразу нашла объяснение всем намекам и неловким лепетаниям Софочки.

Надежда Прохоровна не боялась – и Софа об этом знала – ни Бога, ни черта, ни милиционера, ни троллейбусного кондуктора.

Она сама мало кому спуску не давала!

Но вот в присутствии эдаких вот дамочек на Надю нападала непривычная немота. Язык лежал во рту – ни тпру ни ну. Валялся обморочным студнем, шепелявил, в лучшем случае косноязычно мямлил. Стыдобушка.

И главное – перед кем?! Надежда Губкина таких вот дамочек, что онеметь заставят, на дух не выносила!!

Сидят, понимаешь ли, в заводоуправлениях, – фу-ты ну-ты, ножки гнуты! – бумажки невесомые перебирают, а перед рабочим человеком нос дерут!

Белоручки!

Ругалась, кипятилась, но все в душе, но все в душе. Могла отчитать вслух где-нибудь в безликой очереди за дефицитной банкой лососа в томате, в заводоуправлениях не успевала конфузливый пот со лба утирать. Робела перед белоручками до полной омерзительной немоты, до немочи в ногах.

Такая вот напасть. Проклятие какое-то.

И получается, как ни крути, хозяйка дома Вера Анатольевна относилась к типу женщин, перед которыми Надежда Губкина смущалась исключительно. Не просто белоручка (секретарша с десятилеткой) – образованная начальница. Взглядом высечет похуже розги.

И потому первые полчаса молчала. Выкать привычки не было, тыкать смелости не хватало, сидела обвыкала – как тут примут?

Сейчас вошла в комнату и увидела не гордую начальницу, а женщину, убитую горем. Навзничь распахнутую.

Положила ладонь на спину Веры Анатольевны, погладила:

– Ты это, Анатольевна. Держись. Так уж случилось. Тебе теперь о живых думать надо, вон их сколько вокруг тебя.

Вера Анатольевна сухими, невыплаканными глазами смотрела на пенсионерку-крановщицу и ничего не говорила. Даже не моргала.

– Держись, Вера, ты молодец. Я вот и представить не могу, кто бы еще так поступить смог.

– В смысле? – немного разогнулась Кузнецова.

– Ну, ты вот нас вызвала. Разобраться хочешь. А кто тебе садовник? Увезли, и ладно – родных не тронули, живи себе дальше.

– Дальше? – усмехнулась вдова архитектора, выпрямилась. – Надежда Прохоровна, в нашем возрасте, когда начинаешь задумываться о том, что тебя ждет на Небесах, нельзя держать на сердце неподъемный груз. С подобной тяжестью до Бога не взлетают. Назад, под землю, утянется.

– Так на то она правда-то и существует. Чтоб душа, значит, чистая была да легкая.

– Думаете?

– Да.

– А я вот думаю наоборот. Что, если мое решение эгоистично? Беспокоясь о собственной душе, я гублю земное существование кого-то из моих близких? Это ли не эгоизм? Не смертный грех гордыни?

– Эко тебя завернуло-то, – пробормотала баба Надя. – Справедливость, она ведь не выбирает, она для всех одна. Как искупление. Правда, Вера, она завсегда наружу выплывет. Если ее в себе прятать, только хуже будет – душу искалечишь да испоганишь.

Вера Анатольевна совсем расправила сведенные горем плечи, посмотрела в сочувственное, строгое лицо старой крановщицы:

– Спасибо, Надежда Прохоровна. Спасибо, вы очень хорошо меня поняли.

Словно заново приглядываясь к серьезной – совершенной ровеснице! – Вера Анатольевна подумала, что та невероятно похожа на ее любимую актрису – Фаину Георгиевну Раневскую. И голосом, и статью.

– Ты, Вера, это. Выкать перестань. Мы вроде как теперь две школьные подружки.

– Хорошо, – улыбнулась бизнес-дама. – Мне будет тяжело, но я постараюсь, Надежда Прохоровна.

Фу-ты ну-ты, ножки гнуты! Воспитанная. Как Софа. Та тоже не сразу к нормальному общению переходит.

У дальнего угла торца стороны сторожки стояла большая крашенная зеленой краской бочка для сбора дождевой воды, которую так любят комнатные растения.

Елена, обогнув домик, осталась на углу, лишь протянула руку вперед:

– Там. Гену нашли там, между бочкой и окном, – приложила согнутый указательный палец под нос – как будто от промытой дождя – ми газонной травы все еще шел запах крови ее мужа – и осталась стоять на плиточном пятачке у крыльца сторожки.

Софья Тихоновна опасливо вытянула шею и тоже дальше не пошла.

Надежда Прохоровна осторожно обогнула бочку: почти к самым ее бокам подступали колючие кусты крыжовника, высаженного вдоль забора, что отделял участок от соседских территорий. В образованном посадками уголке росла уже довольно высокая молодая вишня; как Денис разглядел лежащее за углом, за бочкой, тело – совершенно непонятно.

Наверное, этот же вопрос задали себе и милиционеры: что в шестом часу утра понадобилось садовнику за домом? Почему он за угол свернул? Зачем?

Скорее всего, он ответил что-то маловразумительное. Милиционеры словам не поверили и увезли садовника с собой.

Аккуратно обходя участок дерна, где три дня назад лежало окровавленное тело, Надежда Прохоровна прогулялась вдоль дома, заглянула в окно.

Сквозь чисто вымытые стекла виднелась комната, где теперь жили Вася и Лида Игнатенко. Их вещи лежали и висели повсюду – на стульях, на одежных плечиках, – в углу возле кухонной перегородки скучал приличный новенький телевизор.

– Интересно, – пробормотала баба Надя и повернулась к замершей Елене, к молчаливой Соне, – что здесь делал Гена? Ночью.

– Сама не понимаю, – оторвав палец от верхней губы, призналась новая архитектурская вдова. – У нас разные спальни – Гена храпит, – я не слышала, чтобы он выходил. Меня и утром-то еле разбудили.

– Еле разбудили? – попросила уточнить сыщица Губкина.

– Да. Я никогда так крепко не сплю, обычно просыпаюсь от малейшего шороха.

– А остальные?

– Вера Анатольевна тоже спала крепче обычного. Таисия ее носом в щеку растолкала, раньше только твякнуть хватало.

– Сима, Катя, Павел? – четко, одними именами оформила вопросы сыщица.

– Надежда Прохоровна, – неожиданно улыбнулась Елена, – упаси вас бог назвать в лицо Катарину Катей. Она укороченного обращения терпеть не может!

– Да ну? – не слишком озабочась, пробурчала бабушка.

– Не надо обострять. Пожалуйста. Мы тут и так на нервах все.

– Хорошо. Так когда проснулись остальные?

– Первой, как вы поняли, встала Вера Анатольевна. Потом, к счастью, Денис догадался разбудить меня. Я сразу измерила Вере Анатольевне давление, дала лекарство. Потом уже я сама вызывала милицию и будила Катарину и Павла.

– Они спали крепко?

Елена отвела глаза:

– По большому счету я разбудила только Пашу. Дальше он уж сам.

– У них тоже разные спальни? – подняла брови вверх бабушка Губкина, всю жизнь проспавшая с храпящим Васей на одной панцирной кровати.

– У них разный режим дня, – уклончиво произнесла Елена. – Катарина выходит из своей комнаты не раньше одиннадцати. Павел Алексеевич в это время уже давно на работе. Серафима поднялась сама, наверное, услышала, как я бегаю по дому с аптечкой, как вызываю милицию.

– Нож в этой бочке нашла милиция?

– Конечно. Они приехали с собакой. У нас за этим забором крайне нервный депутат живет, – усмехнулась Лена, – такой шум поднял, репортеров вызвал – это, мол, на него, бедняжку, охотились, но домом промахнулись.

– Понятно. А что-нибудь еще, кроме садового ножа, нашли?

Вопросы бабы Нади производили на Елену странное впечатление – как будто прокурорский следователь сызнова заехал. Она закусила нижнюю губу, покрутила шеей, словно та зако-стенела.

– Леночка, – подстегнула странная гостья, – свекровь тебя помочь просила.

– Ну я не знаю, – плечи Лены описали два неопределенных полукруга, – имеет ли это отношение к делу. *У нас в семье не принято сплетничать...*

– Лен, ты говори, а я уж сама решу – что сплетни, что по делу.

– На ветке шиповника возле ворот нашли обрывок прозрачной белой ткани. Похожий на кусочек пеньюара или ночной рубашки. Под камнем возле нашего дома собака унюхала папиросный окуроч с марихуаной, – быстро, словно боясь, что решимость *сплетничать* вот-вот иссякнет, заговорила Лена.

– Так-так, – нахмурилась Надежда Прохоровна. – Окуроч – чей?

Елена отвела взгляд, вздохнула:

– Симин. Свежий.

– Она у вас что ж, наркотиками балуется?

Новоиспеченная вдова выдержала испытывающий прямой взгляд, но не ответила.

– Понятно, – кивнула баба Надя. – И давно с ней это?

– Я не нарколог.

– Отец знал?

– Конечно. – Елена встала полубоком, снова стала смотреть в сторону. – Несколько раз Серафиму сажали под домашний арест.

– Проблемная девочка? – негромко вставила слово Софья Тихоновна.

Елена развернулась к ней и фыркнула так, что стало совершенно ясно: «проблемная девочка» – шадящая формулировка.

– Понятно, – вновь, уже с сочувствием, пробасила бабушка Губкина. – Досталось тебе с ней?

– Да нет, ну что вы! – неожиданно и горячо воскликнула Елена, приложив обе ладони к груди. – Сима чудная девочка! Возраст!.. Когда я только приехала сюда, ей было одиннадцать лет. Мама погибла, отец лежачий – Геннадий год провел в постели на вытяжке! – бабушка едва жива. Ребенку досталось, понимаете! Вначале у нас были замечательные отношения! Ей, наверное, попросту не к кому было приткнуться. Потом. Геннадий отправил ее учиться за границу. Девочка приезжает домой – бац! – новая мачеха. Представляете? Уезжала – я сиделка, возвращается – новая мама. – Выпала все это быстро, задохнулась. – У девочки был трудный возраст. И жизнь не сахар.

– Что-то затянулся у нее *трудный* возраст, – пробурчала баба Надя, обошла бочку, заковыляла к воротам.

– Ну зачем вы так! – в спину ей выкрикнула Елена. – В том, что девочка так себя ведет, есть и моя вина! Я не смогла полноценно заменить ей мать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.